

А.И. Смирнова

**«ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ДНЕВНИК» ПИСАТЕЛЯ
И АДРЕСАТ-СОВРЕМЕННОК
(В.П. АСТАФЬЕВ «НЕТ МНЕ ОТВЕТА...»)**

Аннотация. *«Эпистолярный дневник» В.П. Астафьева «Нет мне ответа» относится к типу издательского дневника и анализируется в статье как эгодокумент, как специфическая форма письменного автовысказывания литературы non fiction, основанного на диалоге с Другим – адресатом-современником. Синтез эпистолярного и дневникового дискурсов выражается в тексте в форме Я-высказывания, обращенного к адресату, в самопрезентации субъекта повествования, в автобиографическом ракурсе, в структурообразующей функции датировки.*

Ключевые слова: *эпистолярный дневник, Астафьев, адресат-современник, автовысказывание, литература non fiction.*

Исследование различных форм дневника в художественной словесности и в литературе non fiction – одна из важных проблем современной гуманитаристики и теории литературы. Если дневник как жанровая разновидность художественной прозы или дневник литературного героя в структуре художественного произведения достаточно хорошо изучены, то дневниковые тексты, представляющие литературу non fiction, осмыслены в меньшей степени. Автор монографии «Дневник А.В. Жигулина как документ эпохи» В.В. Колобов в числе «малоизученных» называет такие проблемы, как «пограничный межжанровый характер» дневника, «отношения с “близкими родственниками”: мемуарами, художественной прозой, исповедью, эпистолярием, публицистикой и т.д.» [1. С. 7]. Связь дневника с различными жанрами письменного автовысказывания (хроники, письма, записки, мемуары и др.) нуждается в специальном целенаправленном исследовании, без которого невозможно построение единой теории дневника.

На сегодняшний день существует множество определений дневника; обратим внимание на наиболее показательное мнение:

«...Формальных критериев “дневниковости” практически не существует. Дневником называют то, что таковым считает автор (или издатель), или же предпочитает называть читающая публика» [2. С. 159]. Разнобой в определениях понятия «дневник» объясняется тем, что среди исследователей нет единства в понимании основных формообразующих признаков дневникового жанра. Е.М. Криволапова в качестве главных критериев «дневниковости» выделяет следующие: «Во-первых, это синхронность, которой определяется способ отражения действительности; во-вторых, автокоммуникативность, являющая тождество автора и адресата; в-третьих, необработанность материала, его “первообразность”; в-четвертых, датировка, выполняющая роль структурообразующего начала; в-пятых, интимность, искренность, правдивость записей» [3. С. 202].

В.В. Колесникова называет дневником «текст, предназначенный для внутреннего потребления, записи для самого себя (если только автор не имитирует в определенных целях его форму). Это не просто пометки для памяти, хроника текущих событий – это способ интимного самоанализа, своеобразный апокриф (неканоническая автобиография человека, существующая лишь для внутреннего потребления)» [4. С. 5]. Как жанровая форма дневник, по мнению О.Г. Егорова, «представляет собой динамичную автохарактеристику, выражающую естество и бытие человека методом последовательных высказываний, группирующихся в устойчивый временной ряд» [5. С. 6].

Цель статьи состоит в изучении особой формы дневникового текста, созданного из писем, датированных записей, адресованных конкретному читателю, однако остающихся эгодокументом, формой письменного автовысказывания, синхронного конкретной ситуации жизни и творчества автора. Двусоставность определения «эпистолярный дневник» указывает на *гибридность* формы, синтезирующей *дневниковые* и *эпистолярные* признаки, однако остающейся «невымышленным» свидетельством автора о себе, т.е. особым жанровым образованием в литературе non fiction. «Дневник – специфическая автокоммуникация, имеющая целью вынесение в текстовые формы диалога автора с самим собой, который

строится по законам, близким к законам внутренней речи» [6. С. 65]. В анализируемом тексте В.П. Астафьева жанровые критерии претерпевают трансформацию, главным можно назвать замещение автокоммуникативности диалогом с конкретными и разными адресатами-современниками. Тем не менее, собранные и расположенные хроникально, письма создают эффект невыстроенности реакций на движение жизненных ситуаций, вошедших в круг внимания извне. В дневнике таким фактором выступают меняющиеся явления жизни, в эпистолярных текстах – темы и проблемы, спровоцированные адресатом письма или возникшие в связи с личностями разных адресатов. В дневнике же пишущий если и выходит за границы автодиалога, то в форме диалога с возможным или предполагаемым читателем.

Однако в случае эпистолярного дневника В. Астафьева возникает прецедент создания целого текста издателем. Обширная переписка писателя, насчитывающая более 160 адресатов, собрана в объеме нескольких сотен писем 1952–2001 гг. и опубликована в 2009 г. издателем Геннадием Сапроновым после смерти автора. Письма расположены в хронологической последовательности и получили жанровое определение издателя «эпистолярный дневник». Это определение можно прочесть и как подзаголовок основного названия «Нет мне ответа...» (финальная фраза в «Царь-рыбе» В. Астафьева, вошедшая и в эпиграф, предваряющий «эпистолярный» писателя). Название-цитата мотивирует восприятие эпистолярия без ответов адресатов как личную хронику, как «эпистолярный дневник».

Во вступительной статье к книге составитель (он же издатель) обращает внимание на процесс ее возникновения. После издания Г. Сапроновым в начале 2000-х гг. переписки Астафьева с литературными критиками В.Я. Курбатовым («Крест бесконечный») [7] и А.Н. Макаровым («Твердь и посох») [8], к нему отовсюду «начали стекаться астафьевские письма от людей, с которыми у Виктора Петровича в разные годы была большая или малая переписка». Издатель вспоминает: «И когда объем этих писем достиг некой “критической” массы, <...> я увидел – это и есть дневник Виктора

Петровича, который он по листочку изо дня в день, из года в год посылал разным людям во все концы страны, да и за ее пределы тоже» [9. С. 7].

Основным структурообразующим принципом «дневниковости» стала *датировка* писем. Однако сам процесс создания и появления на свет «эпистолярного дневника» по сравнению с классическим писательским дневником носил «непреднамеренный», спонтанный характер, изначально отличался установкой автора на обращение к Другому – адресату-современнику, что определяло специфику выражения Я-высказывания и накладывало определенные ограничения, заданные *кругом адресатов* Астафьева.

Среди его адресатов – прозаики и поэты, литературные критики и редакторы различных изданий, литературоведы и историки, музыканты и театральные деятели (Евгений Нестеренко, Евгений Светланов, Георгий Свиридов, Михаил Ульянов), политические деятели (Михаил Горбачев, Борис Ельцин), ветераны войны и фронтовые товарищи, обычные читатели.

На протяжении ряда лет Астафьев переписывался с Валентином Распутиным (12 писем), Евгением Носовым (12 писем), Александром Борщаговским (29 писем), курганским прозаиком Василием Юровских (19 писем), Агнессой Гремичкой (25 писем) – редактором многих книг Астафьева. Постоянными адресатами писателя являлись литературные критики Александр Макаров и Валентин Курбатов, основная часть переписки с которым, как и письма самого критика, вошли в книгу «Крест бесконечный: В. Астафьев – В. Курбатов: Письма из глубины России» (Иркутск, 2002).

Одной из важных сюжетообразующих линий «эпистолярного дневника» как эгодокумента писателя является *творческий процесс*, «*мастерская*» автора. Эпистолярная форма позволяет писателю реализовать потребность в выражении творческого восприятия мира, фиксировать наблюдения, по сути, выполняя функцию «мастерской», в которой оттачивается способность живописать увиденное. Так, в письме от 7 апреля 1975 г., адресованном главному художнику издательства «Советский писатель» Е.Ф. Капустину и его жене, Астафьев описывает ледоход на реке Сибла: «Как пре-

красна эта живая, трепетная река, пусть немножко холодноватая, темная и жуткая с виду, но тело ее дышит, плоть, переполненная силами, куда-то стремится, чего-то ищет, ждет. Снова я подумал о своей дочери на сносях, о том, что жизнь, как и чем бы ее ни умирляли, берет свое, все хочет рожать, продолжать себя в нас» [9. С. 205].

В книге представлены различные материалы, связанные с рождением многих замыслов, запечатлевшие муки творчества. 22 ноября 1965 г. одному из своих постоянных адресатов – прозаику, драматургу и критику А.М. Борщаговскому – Астафьев сообщает о замысле написать небольшую повесть о войне и признается: «А я писать о войне всякий раз боюсь. Боюсь перед памятью убитых друзей сделать что-нибудь недостойно, sluкавить, а еще памяти своей боюсь. Иной раз так и думаю, что сдохну, разворошив все и заглянув в нутро войны» [Там же. С. 77]. Мысли о войне не покидают Астафьева на протяжении всей жизни, о чем свидетельствуют и его письма. Своими переживаниями по поводу подготовки к публикации «Царь-рыбы» в журнале «Наш современник» (1976) автор делится с Валентином Курбатовым. Писатель нуждается в *адресате-собеседнике, единомышленнике и друге*.

Продолжая отечественные традиции эпистолярного жанра, Астафьев параллельно с созданием художественных произведений ведет постоянную переписку со своими адресатами, пишет пространные письма, отличающиеся характером отношений между автором и адресатом (родственные, дружеские, профессиональные, деловые и т.д.) и степенью открытости (искренности, интимности) автовысказывания в изложении фактов личной жизни, в изъяслении чувств (в зависимости от адресата послания), обсуждаемыми проблемами, связанными как с творческим процессом (создание произведений, подготовка их к печати и издательские сложности), так и с оценкой произведений начинающих авторов, участием в их творческой судьбе, а также с развитием современной литературы, с личной жизнью и состоянием здоровья, подорванного на фронте.

В «эпистолярном дневнике» запечатлены история создания и публикации астафьевских произведений, их прохождение через

цензуру. В него вошли письма главному редактору журнала «Дружба народов» Сергею Баруздину (5 писем), главному редактору журнала «Наш современник» (1968–1989 гг.) Сергею Викулову (1 письмо), редактору журнала «Новый мир» (1980–1990-е гг.) Сергею Залыгину (2 письма), редактору журнала «Студенческий меридиан» Юрию Ростовцеву (1 письмо) и др. В большом письме С. Викулову 1978 г. Астафьев не может скрыть раздражения по поводу того, что ни одна его вещь в «Нашем современнике» «не прошла без кастраций». А замечания редактора на полях рукописи глав «Последнего поклона», по словам автора, «во многом перестраховочны, трусливы и, увы, простите уж за резкость, мало профессиональны, зато самонадеянны без меры» [9. С. 263]. Пафос письма связан не столько с трудным прохождением собственных рукописей, сколько с отношением в редакции к рукописям молодых авторов, рекомендованных Астафьевым журналу.

Постепенно, от письма к письму, благодаря коммуникации автора с адресатом и определенной адресации формируется еще одна сюжетобразующая линия, связанная с *литературным процессом* второй половины XX в., с астафьевскими характеристиками и оценками текущей литературы. Адресатами писателя являются известные и начинающие авторы Юрий Бондарев (1 письмо), Евгений Евтушенко (1 письмо), Борис Екимов (1 письмо), Вячеслав Кондратьев (2 письма), Станислав Куняев (1 письмо), Юрий Нагибин (1 письмо), Юрий Сбитнев (9 писем), Георгий Семёнов (1 письмо), Владимир Черненко (13 писем), литературные критики и ученые Игорь Дедков (2 письма), Владимир Лакшин (1 письмо), Александр Михайлов (6 писем), Валентин Непомнящий (1 письмо), Натан Эйдельман (1 письмо).

В письмах 1990-х гг. речь идет о завершении целой культурной эпохи, связанной с соцреалистической эстетикой. В письме Юрию Нагибину от 10 июня 1994 г. Астафьев пишет: «Невосполнимые потери понес наш читатель, вред от соцреализма неискушим и непротителен. Много времени потребуется, чтобы выправить деформированное сознание нашего общества, воспитать его нормальный вкус, вернуть к книгам нашей замечательной классики» [Там же. С. 537]

(письмо адресат уже не увидел). Незадолго до смерти в связи со своими заметками о Николае Рубцове Астафьев в ответном письме писателю Юрию Сбитневу размышляет о трагической судьбе талантливых людей в России: «Великие таланты плохо уживаются с Россией и в России», которая, «хотя и редко, нет-нет и выбросит на русскую помойку человека, не желающего и неспособного ходить в строю. Его равняют, в ранжир ставят, а он выбивается и выбивается из рядов <...>» [9. С. 659]. Письмо, адресованное Ю. Сбитневу, носит личный характер, в нем автор вспоминает своего «незабвенного старшего друга Александра Николаевича Макарова» [Там же], откровенно делится тем, что плохо работается, пишет о перенесенном втором инфаркте, о нездоровье жены, о детях и внуках. «Но у всех свои беды, грехи и хлопоты. Иринки (дочери. – А.С.) уж 13-й год как нету на свете, Витьке 24 года, Польке 17 – пора бы уж им на ноги встать, своим умом жить, своим трудом кормиться. Да куда там!

Ну, кланяюсь, обнимаю, целую. Храни вас Бог. Ваш Виктор» [Там же. С. 660].

В наступившие времена многое не устраивает Астафьева в отечественной словесности, он резко оценивает мертворожденную литературу. Рукопись повести новомосковского прозаика и поэта Владимира Болохова характеризует как «антилитературу»: «...коли существует антижизнь, то и литература, ею рожденная, должна была явиться», и сомневается в ее будущем. В том же письме «антилитературе» и «антикультуре» он противопоставляет «классическую русскую культуру и прежде всего литературу», сравнивает ее с глотком «чистого воздуха после душного помещения» (февраль 1991 г.) [Там же. С. 459].

Если в одном из ранних писем Астафьев утверждает, что художественная литература призвана *воздействовать на жизнь*, меняя ее к лучшему, а в финале «Царь-рыбы» на вопросы: «Так что же я ищу? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем?» [10. С. 426] – не находит ответа («Нет мне ответа...»), то в 1995 г. в пространным письме неустановленному адресату сетует на то, что не пишется и одолевают «мысли о беспомощности своего дела»: «...Вопрос, задавае-

мый не только мной самому себе: “Книжечек-то вон сколько, а сделали они людей лучше?”. Надежда только на Бога и на время...” [9. С. 573].

Исследователи эпистолярной прозы подчеркивают ее синтетическую природу, предполагающую синтез «черт эпистолярного дискурса с дневниковым, мемуарным, философским, публицистическим и др.», отмечая при этом, что «эпистолярный дискурс сохраняет свою уникальность, не сводится к иным разновидностям дискурсивных практик» [11. С. 8]. Астафьевский свод писем в виде «эпистолярного дневника» хронологически охватывает 49 лет и представляет собой синтетическое образование, жанр которого определяется *синтезом* свойств *эпистолярного* и *дневникового* дискурсов.

Признаки «дневниковости» выражаются в астафьевском тексте в искренности и открытости авторской позиции, некоторые из писем – в зависимости от адресата – представляют собой подлинную *исповедь*. Так, в письме 1973 г. красноярскому прозаику Н.И. Волокитину Астафьев делится сокровенным: «Начал писать статью для “Избранного”, дошел до смерти мамы, и так стало плохо, так больно, так заболело сердце, что и жить-то уж как-то даже не то чтобы не хочется, а тошно» [9. С. 173]. Эта детская травма оставила глубокий след в жизни писателя, часто в своих произведениях и письмах он вспоминает о гибели матери: «Жизнь дала мне много “смертного” материала, начиная от детского потрясения – смерти матери. Нашли ее на девятый день страшную, измытую водой, измятую бревнами и камнями» (В.Я. Курбатову, 14 июня 1976 г.) [7. С. 232].

Автохарактеристика как один из признаков «дневниковости» представлена в разных сегментах астафьевского текста, выполняя структурообразующую функцию. В письме от 29 октября 1962 г. автор признается А.Н. Макарову: «Попутно с “серьезными” вещами я всегда пишу маленькие вещи о природе, вроде стихотворений в прозе – это для обработки слова, интонации, для тренировки глаза и памяти» [6. С. 48]. Одним из проявлений автохарактеристики в письмах становятся высказывания Астафьева об отношении к писательскому труду: «Литературу я ставлю на один шаг с тяже-

лейшей службой и мужской работой» (И. Соколовой, 1973 г.) [9. С. 178]. «Я вообще изнашиваюсь сильно, когда работаю...» (В. Юровских, 6 декабря 1973 г.) [Там же. С. 179]. «Повесть эта ("Царь-рыба". – А.С.), начавшаяся без определенного сюжета и замысла, вытянула из меня все кишки, надоела мне до смерти...» (Е.И. Носову, октябрь 1975 г.) [Там же. С. 222]. Для Астафьева литературный труд – мука и счастье, «каторга» и смысл жизни, но только не легкое занятие для развлечения. В то же время в его письмах практически отсутствует такая черта «дневниковости», как самоанализ, поскольку он предполагает «тождество автора и адресата».

«Дневниковость» эпистолярного повествования выражается и в насыщенности *фактами личной биографии* писателя, его семейной жизни, полувековая история которой представлена во многих письмах друзьям и близким людям. Благодаря широкому кругу адресатов субъект повествования раскрывается в письмах многосторонне: как публичный человек, как творческая личность и литератор, наделенный определенной миссией и ответственно относящийся к ней, как муж и семьянин, сын и отец, как надежный товарищ и друг, как частное лицо со своими психологическими чертами – внимательный и чуткий к близким, сердечный и благодарный, жесткий и резкий, не поступающийся своим мнением и своей правдой. Так, в письме В. Кондратьеву от 28 декабря 1987 г. Астафьев вспоминает о раскулачивании крестьян в Сибири, излагает факты, свидетелем которых был сам: видел расстрел людей в Игарке, знал «о переселении "кулаков" такое, что и во сне увидеть не дай бог», ведал о строительстве Норильска, запомнил рассказы «очень "осведомленных" бывших крестьян, с которыми лежал долго в больнице» [Там же. С. 402].

В «эпистолярном дневнике» представлена *военная фактография* Астафьева. В письме другу детства Михаилу Шламову он сообщает: «Летом 41 года учился в ФЗО на станции Енисей, поработал полгода и на фронт. Воевал сперва на Брянском фронте, а потом все время на 1-м Украинском. Воевал рядовым солдатом в артиллерии, был трижды ранен (бойкий наскочет!) и рядовым снят с учета в 50 лет» [6. С. 268]. В «дневник» вошло много писем, адресованных однополчанам, фронтовым друзьям.

О необходимости создания собственной биографии речь заходит в одном из писем Астафьева 1973 г., адресованном Н.И. Волокитину: «А биографию надо писать. Пишут все и врут, либо нажимают на жалостливые и выигрышные моменты: “тяжелое детство”, “солдат”, “рабочий” и вот вам – писатель...» [9. С. 173].

«Эпистолярный дневник» условно можно рассматривать как наиболее полную и объемную *автобиографию* писателя, начиная со времени появления первых рассказов и заканчивая последним в книге письмом от 14 октября 2001 г. о предисловии к «Последнему поклону», адресованном А.Ф. Гремицкой. Это письмо сопровождается комментарием издателя о болезни писателя. Г. Сапронов, отступая от структурных традиций дневниковой формы (в частности, отсутствия финализма), завершает книгу как ее составитель печальным известием о смерти Астафьева, случившейся 29 ноября в 5 часов утра, после которого помещает «завещания и распоряжения близким и друзьям на случай смерти» из архива писателя, а также исповедальное астафьевское послание «Прощаюсь...» – прощальное слово, адресованное самому себе и людям (без даты): «Прощаюсь с вами, мои слезы, мои муки, кровь моя. Прощаюсь, веря, что рожденный в муках и живший муками, не мучаю я вас своим прощаньем. Прощайте, люди! Я домой вернулся, я к матери моей вернулся, к бабушке, ко всей родне» [Там же. С. 691]. Это послание синтезирует эпистолярные черты (обращение к условному адресату) и дневниковые, когда автор обращается к самому себе.

В «эпистолярном дневнике» через общение с *разными адресатами* запечатлены становление творческой личности писателя, процесс самообразования, познания и усвоения явлений мировой художественной культуры, формирование критического мышления в отношении к действительности и усиление аксиологической модальности в восприятии ее как свидетеля событий. По мере эволюции автора писем более детально раскрываются сам творческий процесс, история создания художественных текстов, участие в становлении молодых авторов, представляющих региональную литературу. Кроме этого «эпистолярный дневник» высвечивает новые грани в отношении Астафьева к войне, к переоценке событий

прошлого, к осмыслению войны современными авторами. В письмах, адресованных писателям-фронтовикам (Евгению Носову, Вячеславу Кондратьеву, Юрию Бондареву и др.) он радуется их успехам, проявляет внимание, чуткость и доброту. Астафьев по-особому относится к Евгению Носову, которого высоко ценит и дорожит дружбой с ним; сразу по прочтении повести В. Кондратьева «Сашка» пишет автору: «...Очень хорошую, честную и горькую книгу собрал» [9. С. 309]; поддерживает вдову Константина Воробьёва и откровенно делится с ней своими размышлениями: «Ничего не пишу, кроме писем, ответов на письма и жалобы сов. граждан, а их все больше и больше, жизнь испаскудилась, народ отупел от нищеты, но верит в бумагу все еще свято...» (письмо от 3 февраля 1990 г.) [Там же. С. 439]. Большинство писем, составивших книгу «Нет мне ответа...», связано прежде всего с личной и творческой жизнью Астафьева.

Анализ издательского «дневника» В.П. Астафьева как эгодокумента позволил прийти к следующим выводам.

1. *Синтез эпистолярного и дневникового дискурсов* в книге «Нет мне ответа...» выражается в организации текста в форме Я-высказывания, обращенного к Другому – адресату-современнику, в самопрезентации субъекта повествования в виде автохарактеристик и интенций исповедального характера, в автобиографическом ракурсе издательского дневника, в датировке писем, расположенных последовательно в хронологическом порядке.

2. Структура «эпистолярного дневника» дискретна, поэтому структурообразующую функцию в тексте выполняют *основные сюжетные линии*: творческий процесс (история создания и публикации произведений и др.), литературный процесс (участие, отношения с писателями, восприятие и оценка текущей литературы), автобиография и личная жизнь.

3. Благодаря коммуникации автора с адресатами и определенной адресации он раскрывается в «эпистолярном дневнике» разносторонне, в *динамике* формирования творческой индивидуальности и личности писателя, со своими радостями и горестями, удачами и неудачами, с человеческими, творческими, дружескими, родствен-

ными связями, в диалоге с Другим – адресатом-современником. Позиция субъекта повествования в «эпистолярном дневнике» по сравнению с классическим писательским дневником оказывается более подвижной и выражается многогранно, что определяется спецификой коммуникации автора с конкретным адресатом послания.

4. Научная ценность «эпистолярного дневника» определяется тем, что он является фактом творческой биографии автора, свидетельством его жизни, своего рода документом его литературного «поведения». Писатель вел переписку с разными адресатами на протяжении всей своей творческой жизни, и, собранные воедино, письма обрели *новую форму* литературы *non fiction*, представляющую собой издательский дневник, позволившую автору писем запечатлеть жизнь духа на фоне исторической действительности второй половины XX века.

Литература

1. Колобов В.В. Дневник А.В. Жигулина как документ эпохи. Воронеж : Науч. книга, 2017. 298 с.
2. Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М. : Водолей Publishers, 2007. 264 с.
3. Криволапова Е.М. К вопросу о жанрообразующих признаках дневника // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 198–203.
4. Колесникова В.В. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского: типология, жанр. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2009. 70 с.
5. Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра : исследование. М. : Флинта : Наука, 2003. 280 с.
6. Тарасенко Т.П., Величко М.А. Автокоммуникация в дневнике // Особенности исследования и конструирования актуальных типов дискурса и их категорий. Краснодар : ИПЦ КубГУ, 2016. С. 65–97.
7. Крест бесконечный. В. Астафьев – В. Курбатов: письма из глубины России / сост., предисл. Г. Сапронова ; послесл. Л. Аннинского. Иркутск : Издатель Сапронов, 2002. 512 с.
8. Астафьев В.П., Макаров В.Н. Твердь и посох. Переписка 1962–1967 гг. / вступ. ст. Л. Аннинского. Иркутск : Издатель Сапронов, 2005. 204 с.
9. Астафьев В.П. «Нет мне ответа...» Эпистолярный дневник. 1952–2001 / сост., предисл. Г. Сапронова. Иркутск : Издатель Сапронов, 2009. 720 с.
10. Астафьев В.П. Собрание сочинений : в 15 т. Красноярск : Офсет, 1997. Т. 6: Царь-рыба. 432 с.

11. Логунова Н.В. Русская эпистолярная проза XX – начала XXI веков: эволюция жанра и художественного дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. : РУДН, 2011. 46 с.

The “Epistolary Diary” of a Writer and a Contemporary Addressee (Viktor Astafiev’s *I Have No Answer...*)

Tekst. Kniga. Knigozdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 20, pp. 122–135.

DOI: 10.17223/23062061/20/9

Alfiya I. Smirnova, Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: alfiya-smirnova@yandex.ru

Keywords: epistolary diary, Astafiev, contemporary addressee, self-expression, non-fiction literature.

The aim of the article is to study the writer’s publishing diary as an ego-document, as a specific form of a written self-expression, which is a special genre of non-fiction literature. The material of the study was Viktor Astafiev’s *I Have No Answer...* epistolary diary. The analysis of the text was based on the theory of communication involving structural, descriptive and functional research methods. The course of the study is determined by its logic: the introductory part is theoretical; then the history of the book’s creation is considered; the writer’s circle is revealed; letters are analyzed in terms of distinctive signs related to the nature of the relationship (family, friendly, professional, business, etc.) between the author and the addressee, the degree of openness (sincerity, intimacy) of self-expression in presenting facts of personal life, in expressing feelings (depending on the addressee of the message), problems discussed. Then the main plot-forming lines are described. Astafiev’s collection of letters in the form of an epistolary diary is considered as a synthetic formation, the genre of which is determined by the synthesis of the properties of the epistolary and diary discourses.

Conclusions of the study are the following:

(1) The synthesis of epistolary and diary discourses in the book *I Have No Answer...* is expressed in the organization of the text in the form of an I-statement addressed to the Other – the contemporary addressee; in the self-presentation of the narrator in the form of self-characteristics and intentions of a confessional nature, in the autobiographical perspective of a publisher’s diary, in the dating of letters arranged sequentially in chronological order.

(2) The structure of the epistolary diary is discrete; therefore, the main plot lines in the text are: the creative process (the history of the creation and publication of works, etc.), the literary process (participation, relations with writers, perception and evaluation of current literature), autobiography and personal life.

(3) Thanks to the author’s communication with the addressees and a certain addressing, he is revealed in the epistolary diary in a multifaceted manner, in the dynamics of the formation of the creative individuality and personality of the writer, with his joys and sorrows, successes and failures, with human, creative, friendly, family ties, in a dialogue with the Other – the contemporary addressee. The position of

the narrator in the epistolary diary, in comparison with the classic writer's diary, turns out to be more flexible and is expressed in many facets, which is determined by the specifics of the author's communication with a certain addressee of the message.

(4) The scientific value of the epistolary diary is determined by the fact that it is a part of the author's creative biography, evidence of his life, a kind of document of his literary "behaviour". The writer corresponded with different addressees throughout his creative life, and the letters compiled together acquired a new form of non-fiction literature – a publisher's diary that allowed the author of the letters to capture the life of the spirit against the background of historical reality of the second half of the twentieth century.

References

1. Kolobov, V.V. (2017) *Dnevnik A.V. Zhigulina kak dokument epokhi* [A.V. Zhigulin's Diary as a Document of the Era]. Voronezh: Nauchnaya kniga.
2. Mikheev, M.Yu. (2007) *Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX–XX)* [Diary as an ego text (Russia, the 19th – 20th centuries)]. Moscow: Vodoley.
3. Krivolapova, E.M. (2012) K voprosu o zhanroobrazuyushchikh priznakakh dnevnika [On the genre-forming features of the diary]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 5. pp. 198–203.
4. Kolesnikova, V.V. (2009) "Dnevnik pisatelya" F.M. Dostoevskogo: tipologiya, zhanr ["A Writer's Diary" by F.M. Dostoevsky: typology, genre]. Voronezh: Voronezh State University.
5. Egorov, O.G. (2003) *Russkiy literaturnyy dnevnik XIX veka. Istoriya i teoriya zhanra* [Russian literary diary of the 19th century. History and theory of the genre]. Moscow: Flinta: Nauka.
6. Tarasenko, T.P. & Velichko, M.A. (2016) Avtokommunikatsiya v dnevnike [Autocommunication in the diary]. In: Khuty, I. (ed.) *Osobennosti issledovaniya i konstruirovaniya aktual'nykh tipov diskursa i ikh kategoriy* [Specificity of research and design of actual types of discourse and their categories]. Krasnodar: Kuban State University. pp. 65–97.
7. Astafiev, V. & Kurbatov, V. (2002) *Krest beskonechnyy. V. Astafiev – V. Kurbatov: Pis'ma iz glubiny Rossii* [The infinite cross. V. Astafiev – V. Kurbatov: Letters from the depths of Russia]. Irkutsk: Saponov.
8. Astafiev, V.P. & Makarov, V.N. (2005) *Tverd' i posokh. Perepiska 1962–1967 gg.* [The Earth and staff. Correspondence 1962–1967]. Irkutsk: Izdatel' Saponov.
9. Astafiev, V.P. (2009) "Net mne otveta..." *Epistolyarnyy dnevnik. 1952–2001* ["I have no answer..." An epistolary diary. 1952–2001]. Irkutsk: Izdatel' Saponov.
10. Astafiev, V.P. (1997) *Sobranie sochineniy: V 15 t.* [Collected Works. In 15 vols]. Vol. 6. Krasnoyarsk: Ofset.
11. Logunova, N.V. (2011) *Russkaya epistolyarnaya proza XX – nachala XXI vekov: evolyutsiya zhanra i khudozhestvennogo diskursa* [Russian epistolary prose of the 20th – early 21st centuries: The evolution of genre and artistic discourse]. Philology Dr. Diss. Moscow.